

Мария СТЕПАНОВА

КИРРЕЕВСКИЙ

книга стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІІ

*

Тоска, не жидь, не жидь,
Тоска у меня на груди,
Как в сети замерзший куст
Тед поразю шанкой присел.

Вырой елку, в нее говори,
Слухай ухом, шумок раседай,
Где лесная земля ружья,
Кербулку траву оберн.

Я себе не могу отвечать,
А сметана, меня полюбило,
Тед дубового кривкой светло
От ежа выносившей ладви.

Мария СТЕПАНОВА

КИРЬЕВСКИЙ
книга стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХII

ББК 84.Р7
С79

Марка издательства работы
С. Семенова

В книге сохранены особенности
авторской орфографии

ISBN 978-5-89803-224-9

© М. Степанова, 2012

Заглавье было не именем сочинителя,
а фамилией содержания.

Пастернак

...и что отдельного напева не бывает,
а что напев — так только, для складу.

Толстой

ДЕВУШКИ ПОЮТ

*С воздуха небесного грудного
Воротились лётчики молодые.
Под руки ведут они больного,
Их встречают матери родные.*

*Рядом с ними, на их дороге
Ездит на колёсах убогий
В золотой, слезящейся дерюге.*

*Лётчики тогда к нему подходят
И себя в убогом узнают.
Матерей своих к нему подводят,
Хлеба и вина ему дают.*

*Лютики ему к подножью содят,
Памятью черты его обводят,
Слёзы очарованные льют.*

*Малым шагом, нехотя уходят,
Сожалея молодость свою.*

Где в белое, белое небо
Пространство холодное бьёт,
Замучен тяжёлой неволей,
Бродяга судьбу продаёт:

Возьмите, кому её надо,
И средства вложите свои
В дырявые, словно ограда,
Недавние руки мои.

Я тела уже не имею
И косо стою, как печать,
И можно сквозь эти лопатки и шею
Пустые холмы различать.

Я шёл от Одессы к Херсону,
Как ветер в безлюдной степи.
Я брёл по степям Забайкалья,
Как лодка на чёрной цепи.

Я град; я катящийся топот,
Движение без ног и копыт:
Купите мой жизненный опыт,
Верните прижизненный быт.

И эту посмертную славу,
Вспухающую, как вода,
Отдам без раздумья за «явскую» Яву,
Какую курили тогда.

Мать-отец не узнали,
Не узнала жена молода,
Как вернулся полковник
Из-под чёрного синего льда.

Где-то пьют за победу,
Фортепьяно считает шаги.
По январскому следу
Он прошёл, оставляя круги.

Свет горит в жилконторе,
Нету записей в книге жильцов.
На гремящем просторе
Расширяется строй мертвецов.

Там горит и дымится,
Где прошёл я, откуда пришёл,
Там кипит чечевица
И варится слепой корешок.

Корабли не причалют.
До земли добирается свист,
Но подводник печален
И не дует на пальцы связист.

Я тяжёлый и страшен,
В животе ледяная вода.
Сколько танковых башен
Задевают весной невода!

Я поставил запаску,
Сжѐг бумаги, замѐл уголья —
Допустите прописку,
Пропустите на место жилья.

Но молчит выездная,
Документы закатаны в лёд,
И уже не узнаю,
Как жена его не узнаёт.

— Ах, мама, что у нас за дворник
Живёт в подвальном этаже?
Его рассыпчатое имя
Не вспоминается уже.

Уже нечасто он, проклятый,
Выходит на горючий лёд,
Железной шаркает лопатой,
Метлою острою скребёт.

Когда я утром одеваюсь
И на работу ухожу
Или когда я раздеваюсь
И в ящик туфли уложу,

В утробе тесного подвала
При свете ночи или дня
Он всё лежит, как покрывало,
И бездна смотрит на меня.

— Ах, дочка, мы с тобой не знали,
Что наш пропавший Алексей
Живёт в нетопленном подвале,
Полузабытый от людей.

А что сама ты не узнала,
Что это твой жених и муж,
Так эта жизнь — большая зала,
По ней гуляет много душ.

А что желтее апельсина
Его нерусские черты,
Так это тоже объяснимо:
И мы с тобой давно не те.

Мы устарели, как трамваи,
Мы дотянулись до седин.
А он, как лампа восковая,
В подвале светится один.

Едет поезд по целой России
Вдоль какой-то великой реки.
Пассажиры в плацкарте босые,
Полутрезвые проводники.

В сладкой корочке жира и неги
Перед лицами близких людей
Проплывают куриные ноги,
Как деревья в дрожащей воде.

По его населённым вагонам,
Как спасённые души в раю,
Я хожу в одеяле казённом
И взволнованно песни пою.

Это дело гораздо опасней,
Чем считает отец-проводник,
Потому что хорошая песня
Неизменно восходит на крик.

Голым горлом под женские ахи
И негромкий убористый мат
Я пою про дорожные маки
И что гибнет батяня-комбат.

Тонкий голос, как острое шило,
Протыкает вагонный уют,
И становится людям паршиво,
И они меня в тамбуре бьют.

В честном пенье такая свирепость,
Что оно возмущает сердца,
И стоит пассажирская крепость,
Как слеза в середине лица.

Зачем вы напоили почву
Противочувствием своим?
Зачем, как донорскую почку,
От нас вы отделили Крым?

Кочует облачная масса
Вдоль государственных границ,
Но тени молока и мяса
Не помнят дедовских криниц.

Когда на полные могилы
Ложится утра полоса,
Певец неведомый и милый
Поёт, что Хлоя холоса,

И над теснинами Урала,
Как тромб, блуждающий в крови,
Плывут Аляска и Курилы,
Не испытавшие любви.

В чистом поле плакали орудья
Оттого, что ранило бойца.
Он лежал с полуоткрытой грудью
В ожиданье скорого конца.

Бой-прибой накатывал на уши,
Извинялся: медленно куём.
Установка женская «катюша»
Кашею кормила окоём.

И пока она по ближним била
И полировала берега
За того, которого любила,
За того, что не уберегла,

Пух и перья смахивая с кителя,
Подставляя детские крыла,
В тёмном небе охранял родителя
Сын степного сизого орла.

Остывают пустые перины
Под влиянием сквозняка
В час, когда по стране балерины
Равнодушно встают у станка,

Разминают свои шестерёнки,
Тянут ножку на шесть пятьдесят.
На столах отдыхают гребёнки.
Фонари, догорая, висят.

И в больничные коридоры,
Разгоняя рассветную муть,
Медсестрички несут разговоры
И в стекло заключённую ртуть.

Вот и я, как она, заключённый,
Вот и я достаю до кишок,
Как запитый водой кипячёной
Неизвестный тебе порошок.

Я придурочек, я окурочек,
Имярек, незнакомый зверёк,
Распугавший бройлерных курочек,
Что хозяин не уберёг.

Ничего уже не превышаю,
Не решаю и носом клюю,
Вспоминаю про волю большую,
Как про воду сапог на клею.

И чем дальше, тем меньше я знаю
И уже не твержу «отпусти» —
В голенище вода ледяная,
Но нога продолжает идти.

Где Культура и Отдых в обнимку
На вершинах союзных деревьев,
Чей-то мальчик роняет панамку
И оглядывается, присмирив:

Он впервые выходит разутый,
Разделяя вселенский озноб,
Под пузырь, непомерно раздутый,
Под его переливчатый зоб.

От военного папина марша
И от маминых шёлковых ног
Он пытается сделаться старше,
Но сегодня пропало, не смог.

Парка отдыха стать бы культурней,
Ближе бронзе, роднее стеклу.
Слышишь, урна отвечает урне
И дупло подтверждает дуплу:

«Ты хотел бы понравиться месту
Вместе с выводком пухлых невест?
Ты уверен, что эта невеста
Не лягушка и мошек не ест,

Что её неестественно-синий,
Непомерно раздутый пузырь —
Просто купол для звуков и линий,
Сквозь которые дышит лазурь?»

Чпок! Отчаянье: хлопает шарик —
И в резиновых брызгах трава,
Где товарищеский хабарик
С пионером делила вдова.

Прошёл трамвай по кличке «Аннушка»,
Что нас с тобою подвозил.
Теперь какая-нибудь панночка
Откроет модный магазин.

Разложит белое и чёрное,
Протрёт пустые зеркала,
На мониторы отключённые
Она посмотрит из угла —

Увидит в них не время пятницы,
Не покупающий народ,
Не три-четыре лёгких платица,
А что-нибудь наоборот.

Увидит в сутолоке будничной
Походку дедовской весны,
Тебя, стоящую у булочной,
Авоську с воздухом страны.

Но это прошлое плавучее,
Его бессмысленный укор
Слезой затянется до случая
И камнем канет в монитор.

Мы открываемся, как краники,
Туда-сюда, туда-сюда,
И магазинные охранники
На нас не смотрят никогда.

И не пою я: «Купите папиросы»,
И не веду азартную игру,
А я решаю неотложные вопросы
В расчёте, что сегодня не умру.

Уже идёт сюда вагон почтовый,
И паровоз не тянут за усы,
И то, что я немного не готовый,
Изгладится за первые часы.

В какую хошь из молодых республик
Я голову пустую унесу.
А сердце — бублик, сердце стоит рублик
И сладко остывает на весу.

Мы бежали-бежали,
Как последние ноги,
По лежачей державе,
По широкой дороге —

А тундра всё не кончается
Лай собак не кончается
Часовой не кончается
(но всё менее замечается)
Перемат не кончается
Переход не кончается
Неземными долинами
Автоматными длинными
Небосвод отмечается
В теле смерть ощущается
Но словно бы измельчается
И как смех ощущается
И щекочет и колется —
Хорошо получается.

И нельзя уж бежание
Отличить от лежания.

У чёрной ограды церковной
На офисном стуле простом
Сижу я с улыбкой неровной
Пред самым Великим Постом.

По толстым рукам и коленям
Небесные птицы сидят,
И ходят, и смотрят, и гадают,
И кроткое что-то галдят.

Зачем из стекла и металла
В руках я коробку держу?
Чтоб ты туда деньги метала,
Когда на тебя погляжу.

Там в храме младенцы и няни
Таинственный дым разжуют,
И томные, как после бани,
Охотливо мне подают —

На краснокирпичное тело,
На жизни тугую трубу.
И если бы я умереть не хотела,
Давно бы лежала в гробу.

Но голуби махом взлетают
И низко кружат, грохоча,
И, словно кусты вырастают,
Мои покрывают плеча.

И я для прохожего взгляда
Одета и обнажена,
Сама и могила себе, и ограда,
Сама себе мать и жена.

Низко птица неранняя кружится
Над платформою Марк ли, Лука,
Сам-собою качается лужица
На краю твоего сапожка.

За железнодорожною веткою
Разбежался народ, как пшено,
Серо-розовое, беловетхое
Там исподнее разложено.

И маячат над книгами волглыми,
Над значками со ржавыми иглами,
Покупатели и продавцы,
Пожиратели слёзной пыльцы.

Настругавши к «Останкинской» хлебушка,
Записавшись к врачу на приём,
Я и мёртвые мама и дедушка
Нашу жизнь по частям продаём:

Продаю я и открыточки «К празднику»,
И пустой офицерский планшет,
И пластинки, где свёрнута музыка,
Развернуться же сил уже нет.

В тёплом-тёплом, на годы наглажено,
Видно, было кому приглядеть,
Жду, когда же откроется скважина,
Без неё себя некуда деть.

И войдёт оно, неприятное,
Незаказанное, незакатное,

Опрокинет столы, разольёт пиво,
Голубям велит лететь далеко,

«Что ж вы сделали, — скажет, — комики,
Что за стон стоит в моём домике?»

КИРРЕВСКИЙ

Колотился, колотился свет у ворот,
Подкатывался, показывался:
Сметанушка, матушка, иди на крыльцо,
Государыня-сударыня, выгляни!

Возговорит сметана чёрногорлая,
Возговорит сметана белобокая:
Я не постная сыть, не изюмная сыпь,
Не острожная масса творожная,
Не равняй моё дело белое
С простодушными простоквашками!

Как земля в буграх и нагориях,
Я в живых жирах и калориях.
Они не таятся — прятаются,
С боку на бок всё поворачиваются!
Кто решится ложкой столовою
Тронуть тело моё лиловое?

А ты, мой свет, едва на порог,
И всё мне не впрок, и ума-то нет:
Посветишь, и я подтаиваю,
Подтаиваю да попахиваю,
А там, внизу, где жизнь шерудит,
Лягушечка малая сидит
И то гудит-надувается,
То лапами отбивается.

Во селении то было, в поле, в лесе,
Прокатилася карета, колесничка,
Быстроходная крылатая пролётка.

То из города едут, из Казани,
С новым годом, с богатою казною,
И будут ревизию делать:
Уж и лес населён, и поток населён,
И погост населён, и дуб не пустой,
И гуляет, наветренный, по зелени
День-деньской, обгоняющий елени.

Ещё хороводы не остыли
И у плакальщиц губы не просохли,
А все, и малая Клеида,
Уже записаны в совестную книгу
И под гербовою печатью
Еле смеют рыгнуть иль почесаться.

Слеза слезу догоняет, в спину бьёт,
Слеза к слезе поворачивается —
Я тебя, слезу, как судью, слежу,
Как лучина, тебе помигиваю,
Как лучина, стены покачиваю.

Слеза-дереза, удалая голова,
Давай тобою лечиться:
Ты мне — книжица, я тебе — чтица.

Отвечает слеза слезе:
Приходи никда, подожди в незде,
За одиночной камерой
Вернусь к тебе солью каменной.

Ехала соседка на чёрных соболях,
Шапочка смеётся, рукавицы говорят!
Проехали три поля, четвёртый бугорок,
Громом грянули другу на порог.

Удвинься, сосед, удивися:
Гостейка пришла престолиса.
Поднеси ей мёда на лапке,
Спать уложи на лавку.

Тут станет она сильно жаловаться:
Правда батюшкина, как амбар, горит,
Ласка матушкина, как вода, лежит,
А возжаждешь, ведру поклонисься —
Не нальёшь, не напьёшь, не натонешься!

То, что было в танце очерчено огнём,
Отойди подальше, и сейчас горит
Нежарко, нелепо, неугасимо,
Кривыми отчётливыми буквами.

То, что ныло в воздухе, и теперь поёт,
Дёргает за корень, за зубную нить.
Окают пруды, не отпуская пузырей,
Спит дорога, не стонет, не подрагивает.

За третьим тополем день убывает,
За пятым тополем тень отпадёт.

За пятым тополем душа из ушей,
За третьим тополем уже не искать.

Недолго веночку на стеночке висеть,
Пора красоваться, пора и облысеть!

Уж мы встанем, певички,
Все на ножки, на ножки:
Чулки крашенные,
И те краденые.

Мы пойдём, постучимся
В берег синего моря,
Расступись, приоткройся,
Обнажи свои донья,
Мы споём — ты заплатишь
Дорогою ценою,

Водяною кашею, коралловой ухой,
Золотыми плоскими монетками!

Поём под водой (а вода прибывает),
Как мельница мелет (а пена белее),
Как прачки стирают (а волны стирают),
Как служба идёт (а солдаты стоят).

Субботу проспишь,
Воскресенье продышишь,
Краса молодая с лица поменялась,
К бедовой головке снежок припадает.

А море храпит и копытами бьёт,
На берег не хочет, деньгу не даёт.

А вы дары мои, дары,
Тонки, белы, полотняны,
На кого я вас покину,
Вас кому препоручу?

У подружки нет подушки,
Ей постелька — ручеёк.

Моя маленькая мама
По дорожечке бежит,
Не возьмёт с собой поклажи,
Не оглянется назад.
Моему родному брату
В поле негде спрятаться.

И сама я не хозяйка,
Не столяр, не самовар.

Кто дарил — не спрашивал,
Молчал, не подсказывал,
Он гремит сейчас, катится
Над дорогой грунтовой,
Ели тёмные снаряжает в мачты,
Над шумящими вершинами ходит,
На лёгкие стволы опираясь.

Кто хранит заборы наши, изгороди пёстрые?
Пан косматый и Пропал спорят, соревнуются.
И Пропал-то шестипал, глянешь и поёжишься,
И Пан снял жупан — от козла не отличить.

Выше, выше ставьте крышу, славьте крышу новую,
Хатки, мазанки, землянки, избяные брёвнышки
Обойдите, обоймите, дайте нам понятия —
Мы покажем, мы уважим, мы за всё расплатимся:

Звёздной ежевикой, синегубою черникой,
Перьями сорочьими, орехами лесными,
Дымчатой водою с бородою дедовской,
Чёрной бороздой, пожизненной пахотой.

Там стоит, стоит олень
Под ракиновым кустом,
Слёзы катятся по шерсти,
Кровь дымится на снегу.

Там стоит, стоит олень
Под ракиновым кустом,
И качает, и качает
Он пустую колыбель.

Там стоит, стоит олень,
Просит — не допросится,
Из-за моря-океана
Детский плач доносится.

— Я ходил по дворам, в дома заглядывал,
Я искал на воспитание ребёночка,
Выбирал себе малую деточку,
То ли мальчика, а то и девочку.
Я кормил бы дитя чистым сахаром,
Научил бы вышивать частым бисером,
Выводил гулять под передником,
Величал бы своим наследником.
А меня в толчки, а меня в тычки,
А меня с горы гнали кольями
Ваши глупые отцы-матери!
Ах, век вам, дети, в соплях ходить,
Чужих людей забавлять-сердить,
Не слышать слезы на темени,
Не знать оленьего племени!

Собираются последние песни,
Бойцы невидимого фронта:
Выходят из окруженья,
По две-три строки бегут из плена,
Являются к месту встречи,
Затравленно озираясь.

Как они зачерствели,
Уже не размочить водою!
Как они одичали,
Не могут сказать по-русски.
Но старыми, умелыми руками
Они раздают патроны,
До света зрячими перстами
Они «калашников» перебирают,
Извлекают, охнув, из раны,
Глубоко засевшие буквы —
И к утру, обойдя заставы,
Они входят в бессонный город.

И молчат, пока грохочут пушки.
И молчат, пока грохочут музы.

ПОДЗЕМНЫЙ ПАТЕФОН

Погоди, не гляди, подойди,
Посиди у меня на груди,
Как в степи замерзающий куст
Под горбатую шапкой присел.

Вырой ямку, в неё говори,
Слухай ухом, шумок засекай,
Где десная лежала рука,
Незабудку-траву обери.

Я тебе не могу отвечать,
Я сметана, меня полкило.
Под дубовую крышкой светло
От едва выносимой любви.

Она ходит, не находит,
Она сердится, следит —
Переворачивает камушки,
Под кусточками глядит.

А где часок поговорила,
Где чесала волоса,
Лежит пустая, как могила,
Береговая полоса.

Для руки твоей шершавой,
Большеватой, каменной
Над российской державой
Вырос розан пламенный.

Мальчик, мальчик молодой,
Не жалея цветочика.
Он стоит в стихотвореньи
Для того, чтоб тчк

Ох, лучина, моя лучина,
Ты сгорать без сожаленья
Не научила.

Свете тихий нездешней славы,
Вы на этом свете правы,
А мы неправы.

Вот и брёвна родного дома,
Опять уложенные ровно,
Да по-другому.

И тебя я вроде вижу —
Совсем немножко.
Позови же
Войти в окошко.

Войду неслышно,
Войду невидно,
Как злое слово.
Взойду на женскую половину
С первого зова.

И просыплюсь
Серою пылью по ткани белой.
И никогда тебя уж не покину,
Что ты ни делай.

Из родной страны, полыхнув огнём,
Пролетит жених,
И в земле начнут тосковать о нём,
Проклиная живых.

В домовинах музыку заведут
Тихомолкую,
Непреложную, как подкожный зуд
Под иглокою.

Ничего, скажи, моя милая,
Что глаза твои, прежде ясные,
Позакрылися.
Ничего, скажи, моя бедная,
Что черты былые прекрасные
Пременилися.

Что подземная многоплодная
Постояла стихия водная
В тепловатой тьме.
Что душа твоя чахлым облаком
Вьётся возле, брезгуя обликом,
Не идёт ко мне.

Пока мы лежим, отдыхаячи,
Бьются армии, громыхаячи,
Ноги бóсье ходят глиною,
Слышу снизу я ночью длинною
Грозы сизые.

Так над нашей тленной кожею,
Шкуркой жабьею
Занимается утро Божие
Лёгкой рябью.

Тебе, Риорита,
Подземные чертоги открыты.
Тебе, дорогая,
Заречные гремят соловьи,
И лишённая лоска,
Рождённая из пламя и воска,
Как Флория Тоска,
Ты досыта поёшь о любви.

Смотри, как другая
Выходит на свободу нагая,
Под новое небо,
Где утренний парад на плацу —
Без кости и плоти
(Они не удержались в полёте).
Без крови и лимфы
(Они не пригодятся к венцу).

Прозрачные шторы
По воздуху летят без опоры.
Железные шпоры
Уже не помогают коню.
Но вечность, подруга,
Не шире патефонного круга,
Там тесно и туго,
И я тебя туда не гоню.

В окраинах слуха
Паденье тополиного пуха.
Движение над чёрной,
Не очень очевидной травой.
И река, Риорита,
Беззвучным языком говорита,
И древо ракита
Раздвинуло покров грунтовой.

Свободочка, свободочка,
Зачем была нужна?
Бежит по водам лодочка,
Я в ней лежу одна.

Лежит на блюде ложечка,
Успевшая остыть.
Я здесь была немножечко,
Не буду больше быть.

Невзрачная, безбрачная,
Покрытая росой
Душа моя прозрачная
Не тронута красой —

Но там, где было синее
И алое слегка,
Уже сплотились сильные
Мужские облака.

Он лежит себе в гробу с каким-то венчиком на лбу,
Такой усатый господин, а тут преставился один,
И вот лежит себе, молчок, и его лица воротничок
Уже желтеет изнутри, но ты на это не смотри,
Ведь он, как часики внутри скребут себя на раз-два-три,
Всё производит про себя глухое таклюблютебя,
Но из стоящих вдоль него никто не слышит ничего,
И только мы от потолка глядим, невидимы пока,
И каждый знает про себя:
И я командовал полком,
Носил во рту люблютебя,
Лежал в гробу под потолком.

Двери приоткрытые, полузатворённые,
Ставенки зелёные

Хлопают, качаются, сквозняком венчаются.
В створках что-то чаётся.

Над голодной волостью снег собачьей полостью,
Тусторонней благостью.

Окажите, душенька, честь взойти на лестницу,
Там уже согреемся.

Неживая очередь гнётся, не кончается,
Скрипит, конотопает,

Ставенки зелёные быстро истончаются,
Двери еле хлопают.

Не жди нас домой, дорогая,
Ни друга, ни меня.
Докладываю обстановку:
Кругом одна война.

Базируемся в землянке
На самом дне земли,
Над нами бьют огнемёты,
Но мы от них ушли.

И те, кто здесь недавно,
И те, кто уже давно,
Лежат во тьме, как домино,
И слушают своё кино,
И между нами земля течёт
Густая, как вино.

Мы были людьми. Теперь мы
Белковая уха,
Мы запах слёз и спермы,
И корни, и труха.

И сам я только клок сукна,
Обожжённого по краям,
А тот, что стоял с тобой у окна,
Состоит из глубоких ям.

Когда на стол под полку
Поставят десяток блюд,
Когда затеплят ёлку
И «Аве» запоют,
Когда ледяную корку
Копытом пробьёт верблюд —

Ни золото, ни ладан,
Ни смирна, ни смола
Не справятся с гладом и хладом,
А значит, ты лгала.

Не стой, не стой над этой кустой,
Не перебирай корней.
Я край одежды давно пустой,
Земля лежит на ней.

Когда пойдём мы воскресать,
Когда в усилье воскресенья
Мы станем прошлое кусать,
Музыка будет нам спасенье.

Так, позвоночник, песню пой,
Живей подхватывай, кишечник!
Нас обжигает по второй
Ещё невидимый горшечник.

Пора бы тронуться туда,
Где остановится работа,
Где неподвижная среда
Сегодня новая суббота —

Но стынет праздничная одурь,
Срабатывает дух раба,
И опустевшие гроба
Стоят, как матери, поодаль.

Как ни смотри,
Смертное не внутри.

Как ни стучи,
Всё равно не дадут ключи.

Как ни люби
Глубину твоих ласковых глаз,
Всё равно прилетят воробьи,
Раскуют, что осталось от нас.

Я земля, переход, перегной,
Незабудка, ключица.
Не поэтому знаю: со мной
Ничего не случится.

**ДОБАВЛЕНИЯ
(ЧЕТЫРЕ ОПЕРЫ
И ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ)**

ЧЕТЫРЕ ОПЕРЫ

1. КАРМЕН

В отделении нам ещё разрешают курить,
Понимают: работа такая, надо курить,
Одного на ходу догоняют: эй, командир,
Второй от стола поднимает глаза на дверь,
Второй от суда поднимает глаза на крюк,
Там лампа туда-сюда, Светлана, что я скажу,
Когда сотрясётся земля, и почва разинет рот,
И арестованные заколотят в стенку?

Третий встаёт, у него заслуги, и всё при нём,
Но позвали, и он идёт.
«Жди меня на рассвете», — он говорит товарищам,
Будто он и они — это он и кто-то другой,
Кто один, как Иов, и ждёт его, словно бури.

Что за синий знак на руке у него, сестра?
Это сильный знак на руке у него, подруга.

Там написано как-то так: любимый,
Мой любимый, ты береги себя, не бери при всех,
Позвони родителям, в среду возьми отгул,
Не возьмишь — постарайся вести себя хорошо
И зови, если что, зови меня, если что.

2. АИДА

Красивая, молчаливая, то есть по-русски едва-едва,
Мне нравится её окружение, пряники, сахар и вся халва,
Вся и всяческая халва источает хвалу,
Когда она в углу и отвешивает товар.

Пальцы её берут за бока померанцы, за шеи — груз
Зеленоватых, стоптанных, сладко стонущих груш,
Тёмную плоть баклажана она погружает в белую
Плоть хрустящего пластика; и рождается ценник.
А хурма ей — как мать, и она на неё не глядит
И стыдится своей публичной профессии.

Я задаю ей вопрос, и она не даёт ответа.
Я захожу как вор, и она не удержит вора.
Слабая её, её дешёвая рабочая сила
Вся собралась в руках и не вынесет разговора.

Её и общий отец сойдёт на ны, как лавина,
Едва она окажется не невинна.
Её и общий отец, старший вожатый,
Главный врач нагорной пустой больницы,
Где чьи-то рёбра, как ложесна, разжаты
И страх разводит сплюснутые ресницы.

Её и общий отец, он грядёт за дочью,
По тёмной трассе тянется днём и ночью,
Как полоса тумана у стен вагона.
Когда его армии проберутся в город,
И станут у Красной площади костью в горле,
И скорым пойдут по путям, утоляя голод,
Снимая тулупчики у самокатной голи,

Мы будем их дожидаться на дне кургана,
Где менеджер Юля сегодня её ругала.

3. ФИДЕЛИО

Заседание начинается, всё шуршит,
Свидетелей выводят и вводят новых,
Второпях выносятся приговор,
Обвиняемый превращается в осуждённого.

Приговор приводится в исполнение,
Обычно при этом врач и начальник тюрьмы.
Родственников сюда не пускают.
Журналистов тоже сюда не пускают.
Сюда запускают осуждённых, по одному,
Фиксируют плечи, щиколотки и запястья,
Дают покурить в последний,
Дают укол, дают переменный ток,
Осуждённый превращается в медведя.

Родственники их обычно не забирают,
Хотя я знаю один исключительный случай:
Держат на даче, с охраной, там лес до краёв.
Невостребованные расходятся по зоопаркам,
Цирковым коллективам, частным живым уголкам:
Неагрессивны, хорошо обучаются,
Ходят на задних, «мама» порой говорят.

(Женщину, переодетую в шкуру охранника,
вежливо усаживают в «воронок».)

4. ИФИГЕНИЯ В АВЛИДЕ

Действие продолжается у воды,
Война не на жизнь, траншеи, мечи, кирасы,
Левый берег войны занимают жида,
На правом стеной стоят пидорасы.

Эта битва идёт пешком, никогда не кончится,
Перемолет и зажуёт пятьсот поколений,
Настоят на своём, как ядерная зима,
Потому что с небес их атакует конница,
А из-под земли наступает тьма,
Уязвляя пята и врозь разводя колени.

Каждый из нас стоит на том или этом.
Каждый из нас не сразу сложил оружие.

Каждый из нас, покуда ещё живые,
Смотрит туда, где советуются хорунжие,
Свищут и перекликаются ездовые,
Где поневоле делаешься поэтом.

Возьмите меня в жида или пидорасы,
Я мечтаю об этом с третьего класса:
Стать за вас оленем или бараном,
Жертвенной тёлкой или толстою тёткой,
Девственницей, явленной в кустах!

Я с мечом в груди пою и не умираю
На войне, ведущейся на подступах к раю.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

(белка)

Высоко,
По раскачивающемуся дереву,
Ходящему на весу,
Прямяком
Во весь его широкоствольный скрип —
Туда, где ветер да я,
Поднимается молодая белка,
Кистепёрая, нагретая рыжим ворсом,
Туго-натуго натянутая на собственный бег —
В запрокинутую цель лесных проспектов,
Вдоль туннельных стволов
С переходом на ту и другую ветку.

Блинья лиц, приподнятые за ней,
Отторгаются беглым бегом,
И во всю покорённую клавиатуру,
В четыре ноги
Выбивает белка своё «да-да».

Да-да, да-да, ду-ду, что ей добавить.
«Кирие елейсон» белки не говорят.
Стволы говорят, вода не молчит, воздух не неподвижен.
Но белка,
Мой братший брат,
Моя сестра, гимназистка с лицом, как трюфель,
Она и есть помилование и милость,
Весть о милости,
И елей, и сон:
Отмена тяжести, усмирение приговора,
И быстрым промельком скороговорка жизни.

Что же делать с новоявленным знанием,
Не этим, любим, ещё, как орех, нетвёрдым?
А незнание, к чему его применить,
Разве брызнуть, как водой изо рта,
На сморщенную ткань приручённой жизни,
Здравшей от страха складки,
Пока по ней прокладывают пути,
И дышит жар, и железо берёт своё.

Он только погладит, нам говорят, не бойся!

И вода, издыхая, одно говорит: потерпи,
А сама медсестрой помогает огню и железу,
И руки тебе разжимает,
И на пол оружие кладёт.

И, как белка, бежишь безоружным живым голышом.

(как могут)

Страхи ночные,
Марширующие поперёк —
Драгунами, тараканами,
Ногами-палочками по сухой бумаге.
Коренное население подсердечья,
Слёзы взводящее как курок,
Как урок затвердившее твои объясненья.

Всё вам пожива, что не отсрочка.

И ты, милое чтение,
Зажжённую лампу воздевшее над головою,
Раскинувшее шатёр над падшим сновидцем,
Прячущее еврея в пустой кладовке.

И ты, отвага,
Румяная обличовка страха,
Пустое умение щёки держать в ладонях,
Собственную голову поднимая чашей —
Чашей,
Заполненной еле наполовину
И никому не нужной:
Вино безумья, тёплый его напиток
Бродит и зреет ниже, в животном теле.
Ох, он насыщен пеной,
Упитан чёрными плодами,
Подёрнут сверху сизую плёнкой,
Как бы глаз умирающей птицы.

*(Сам знает,
Сам поможет?
Сам разбавит вино водою?
Сам выключит бессонную плазму?)*

Мы отворачиваемся, отрекаемся,
Идём дорогой, ноги переставляем,
Глазами дышим, еле держим друг друга,

Видим жёлуди, влипшие в полуглину:
Утро, утро настало!

Жёлуди, сколько вас было.
Те, что без шляпок, —
Бритые запорожцы,
Почерневшие от солнца,
Закалённые, в продольных шрамах.
Но есть вы и детские, толстостенные,
Бочковитые, башковитые братцы,
Очень важные,
Рождённые для ладони.

Для катания в кулаке, для житья в кармане
(В тёмном в тесном в тёплом?)
В чьём-то, ласковом ли, пожатье.

Вы не для роста, не для прямостоянья,
Не для того, чтобы, землю смяв, как бумагу,
От корня и до макушки гудеть,
Как разбуженный улей.
Не для того, чтобы палубу продолжать,
Чтобы спину столом расстелить
И лечь в основу чужого ложа.
Вы для другого дела.

Белка завозится, ветер пройдётся.
Бух!
Один за другим, другой за четвёртым,
Как умеют, падают они на дорогу
И лежат, как могут.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕВУШКИ ПОЮТ

«С воздуха небесного грудного...»	9
«Где в белое, белое небо...»	10
«Мать-отец не узнали...»	11
«— Ах, мама, что у нас за дворник...»	13
«Едет поезд по целой России...»	15
«Зачем вы напоили почву...»	16
«В чистом поле плакали орудья...»	17
«Остывают пустые перины...»	18
«Где Культура и Отдых в обнимку...»	19
«Прошёл трамвай по кличке "Аннушка"...»	20
«И не пою я: "Купите папиросы"...»	21
«Мы бежали-бежали...»	22
«У чёрной ограды церковной...»	23
«Низко птица неранняя кружится...»	24

КИРЕЕВСКИЙ

1. «Колотился, колотился свет у ворот...»	29
2. «Во селении то было, в поле, в лесе...»	30
3. «Слеза слезу догоняет, в спину бьёт...»	31
4. «Ехала соседка на чёрных соболях...»	32
5. «То, что было в танце очерчено огнём...»	33
6. «Уж мы встанем, певички...»	34
7. «А вы дары мои, дары...»	35
8. «Кто хранит заборы наши, изгороди пёстрые?»	36
9. «Там стоит, стоит олень...»	37
10. «Собираются последние песни...»	38

ПОДЗЕМНЫЙ ПАТЕФОН

«Погоди, не гляди, подойди...»	41
«Она ходит — не находит...»	42
«Ох, лучина, моя лучина...»	43
«Из родной страны, полыхнув огнём...»	44
«Тебе, Риорита...»	45
«Свободочка, свободочка...»	46
«Он лежит себе в гробу с каким-то венчиком на лбу...»	47
«Двери приоткрытые, полузатворённые...»	48

«Не жди нас домой, дорогая...».....	49
«Когда пойдём мы воскресать...»	51
«Как ни смотри...»	52

ДОБАВЛЕНИЯ

(ЧЕТЫРЕ ОПЕРЫ И ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ)

Четыре оперы

1. Кармен.....	55
2. Аида	55
3. Фиделио	56
4. Ифигения в Авлиде	57

Два стихотворения

(<i>белка</i>).....	59
(<i>как могут</i>).....	61

C79

Степанова М. Киреевский. Книга стихотворений. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2012. — 64 с.

ISBN 978-5-89803-224-9

ББК 84.Р7

Степанова Мария Михайловна

Киреевский

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2012

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 12

Тираж 500 экз. Заказ № 14

Отпечатано в типографии ООО «ИПК "Бионт"»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43

ПУШКИНСКИЙ ФОНД